

ными между литературными и нелитературными текстами (вспомним, что А.П. Каждан, по сути, отрицал за последними использование образов и фигур, системы способов и средств, используемых авторами, чтобы выразить себя²²). “Стратегикон” действительно беднее подобными приемами, чем современные ему агиографические или гимнографические произведения. Но дидактизм, помноженный на собственный опыт, оказался в трактате таким отражением общественно-исторической реальности, пусть и военно-прикладной, когда природа последней, равно как и ее познание, предстают в качестве “актуализированного предела”, который империя и ее подданные должны соблюсти, чтобы не потерпеть трагического ущерба. Подобное свойство “Стратегикона” ставит информацию трактата перед барьером эмоциональной выразительности – барьером, преодолеть который Маврикий не решается не из-за своей неспособности это сделать, а в силу серьезности и жизненности поставленных им перед собой задач. И в этом случае “Стратегикон” предстает как памятник, уровень художественности которого также достоин изучения.

А.С. Козлов

Максимович К.А. Закон судный людем. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М.: Древлехранилище, 2004. 240 с.

Как памятник, принадлежащий к корпусу кирилло-мефодиевских текстов, “Закон судный людем” не обойден вниманием исследователей: он неоднократно издавался (см. характеристику изданий на с. 23–25 рецензируемой книги), и ему посвящена немалая литература (см. библиографию там же, с. 169–197). Монография Максимовича, однако, не затеряется в этом обилии написанного. Чтение книги убеждает, что автору есть что сказать нового о хорошо известном произведении.

Максимович отмечает, что его работа – это попытка комплексного подхода к источнику, исследование, посвященное как лингвистическим, так и юридическим аспектам памятника (с. 3, 26). В данном своем качестве эта книга идет гораздо дальше всей предшествующей литературы. Автором движет практическая цель: “по возможности точно установить авторство и время создания памятника” (с. 3), реконструировав “языковую” и “юридическую личность” переводчика (с. 26).

Максимович выступает прежде всего как высококвалифицированный филолог. Он и сам подчеркивает, что делает особый акцент на формально-языковых критериях определения авторства (с. 26; ср. с. 10–11). В этом, на мой взгляд, состоит наиболее сильная сторона книги Максимовича. Его описание переводческой техники “Закона судного” (гл. II. 3) – предпринятое, к слову, впервые в отношении этого памятника (ср. с. 38) – обнаруживает незаурядное владение теорией перевода и включает весьма разработанную и во многом оригинальную терминологию (автор, впрочем, отмечает ее экспериментальный характер – с. 40, примеч. 26). В других частях книги (гл. III. 3 и IV) Максимович дает простор своим способностям лексикографа и историка языка. Впечатляет объем филологического материала, которым владеет автор, и легкость, с которой он ориентируется в разнообразных словарях, изданиях текстов и в своей многоязычной и обширной литературе. Рассмотрение лексики, синтаксиса и переводческих приемов “Закона судного” Максимович сочетает с историко-юридическим анализом, прослеживая и комментируя тенденции, обнаруживающиеся в изменениях славянского текста по отношению к греческому оригиналу, “Эклоге” (гл. II. 2–3). Отдельная глава книги посвящена рецепции памятника на Руси.

На основании всей совокупности имеющихся данных – и прежде всего учитывая наличие в “Законе судном” целого ряда “морализмов” (с. 86–103), – автор решительно присоединяется к “моравской теории” происхождения памятника. С особенной похвалой Максимович отзывается о работах виднейшего представителя этой теории, Йозефа Вашицы, хотя и не все выводы чешского ученого он разделяет (с. 13–15, 25). Автор монографии полагает, что перевод был сделан “билингвом”, “в совершенстве владеющим исходным (греческим) и переводящим (славянским) языками” (с. 125). По мнению Максимовича, билингвизм, демонстрируе-

²² Каждан А.П. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 19–20.

мый переводчиком, был возможен только у человека, выросшего на смешанной славяно-греческой территории и при этом получившего образование “в одном из византийских культурных центров” (с. 54–55). Автор книги приписывает перевод св. Мефодию, как это делал прежде С.В. Троицкий (см. с. 16, 19), а не Константину-Кириллу, как полагал Вашица, и относит появление памятника к 870-м годам, т.е. ко времени епископского служения Мефодия в Великой Моравии (с. 55–56, 125–126). Привлечет внимание филологов и расходящийся с широко распространенной историографической традицией вывод Максимовича об “отсутствии коренных различий между языком кирилло-мефодиевских переводов и обиходным славянским языком” (с. 120–121, 127). Тут же несколько загадочно звучит высказывание автора, что в “Законе судном” “использован местный, моравский (позднепраславянский) культурный диалект” (с. 121). Означает ли эта осторожная формулировка, что “Закон” написан на этом, а не на присолунском диалекте, как это обычно полагают, или моравский диалект просто “использован” вдобавок к основному, присолунскому наречию памятника? Максимович высказывает предположение, что “Закон судный” мог проникнуть на Русь не через Болгарию, но непосредственно от западных славян (с. 73, 126–127). Основываясь на истории одного из моравизмов “Закона”, слова кметь, в древнерусских текстах и на бытовании “Закона” в сборнике юридических памятников, составленных при Ярославе Мудром, автор датирует появление памятника на Руси примерно серединой XI в. (с. 66–67, 127).

Весьма привлекательная черта монографии – ее краткость и деловитость. Книга Максимовича представляет собой связную группу отдельных малых исследований о “Законе судном”. Автор не гонится за полный охват всех проблем, обсуждавшихся в связи с “Законом” (ведь, увлекшись, книгу об этом памятнике можно написать и на пятистах страницах), но концентрирует внимание на тех аспектах, которые позволяют ему установить нечто существенно новое о происхождении, характере и бытовании памятника. Максимович внимателен к деталям и одновременно помнит о том, какова роль этой детали в прояснении основных вопросов его исследования.

Выводы Максимовича аргументированы и, как правило, убеждают. Я позволю себе тем не менее два полемических замечания по поводу заключений автора. Первое касается двуязычия переводчика “Закона судного”. Максимович подчеркивает блестящее знание переводчиком греческого и славянского языков и говорит о “славяно-греческом билингвизме” этого человека (с. 55, 125; см. также цитату о “совершенном владении” двумя языками выше в этой рецензии), в другом месте определяя его даже как “византийского славянина-билингва” (с. 54). Эти выводы заставляют поразмышлять о степени двуязычности переводчика и о той мере, в которой эта двуязычность может быть установлена собственно на основе данного перевода. Как явствует из анализа Максимовича, либо славянский язык был для переводчика родным, либо он знал его весьма близко к родному. Учитывая, что от момента возникновения перевода нас отделяет более тысячи ста лет, мы едва ли способны почувствовать по языку памятника, какая из этих двух возможностей соответствует действительности. О знании переводчиком греческого мы вправе заключить, что он хорошо понимает “Эклогу”, текст VIII в. Значит ли это непременно, что переводчик хорошо владеет и письменным греческим языком? Отмеченная Максимовичем единственная неточность перевода (с. 52) не проясняет ситуацию: однозначно интерпретировать ее как непонимание переводчиком греческого текста или как несовладание со славянским синтаксисом не удастся (не говоря уже о возможной порче текста). Насколько, таким образом, заключение автора о совершенном владении переводчиком как греческим, так и славянским языком может быть вообще сделано на основе анализа перевода “Закона судного”? Как кажется, вывод Максимовича диктуется не столько характером перевода, сколько внешними по отношению к переводу данными – нашим знанием о высокой степени билингвизма солунских братьев, один из которых, Мефодий, является наиболее вероятным “кандидатом” в переводчики. Еще более неосторожно говорить, пусть даже мимоходом, о “национальности” переводчика (“византийский славянин-билингв”), ибо при высокой степени двуязычия определить таковую на основе перевода едва ли возможно¹.

Вызывает сомнение еще один момент в аргументации Максимовича. Настаивая на принадлежности автора “Закона судного” к епископату (с. 54), он замечает, что “юридическая деятельность в Церкви была (и остается по сей день) привилегией высшего епископата” и что все отцы Церкви, писавшие церковные каноны, были епископами (с. 54, примеч. 58). В под-

¹ *Верещагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971. С. 174–175.

держку этого тезиса он ссылается на Юстинианово законодательство и каноны вселенских и поместных соборов (там же). Более чем сомнительно, однако, чтобы перевод “Эклоги”, светского свода, хотя и перевод несколько вольный и с добавлением альтернативных церковных наказаний (епитимий), относился к той деятельности, которой каноны, упоминаемые Максимовичем, предписывают заниматься исключительно епископам и соборам. Кроме того, альтернативные церковные наказания, добавленные в славянском переводе, по-видимому, следовали уже существующей епитимийной традиции. В большой степени это подтверждает и сам Максимович, который для половины этих наказаний (для четырех из восьми) находит аналоги в канонах св. Василия Великого. Как перевод “Эклоги”, так и его дополнение уже установившимися, традиционными епитимиями мог выполнить и простой монах (скорее всего, с благословения своего епископа или игумена). Многие виды юридической деятельности в церкви – а именно составление сводов, комментирование и редактирование правил – не были привилегией исключительно епископов. Достаточно припомнить имена Никона Черногорца, Зонары и Властаря – монахов, не принадлежавших к высшей церковной иерархии. Доводы Максимовича (с. 54) свидетельствуют об авторе “Закона судного” как о церковном интеллектуале, хорошо знакомом с византийским правом, но ни один из них не доказывает неперменной принадлежности переводчика к епископату.

Два данных возражения приведены не для того, чтобы оспорить предположение об авторстве Мефодия: сделать это после исследования Максимовича будет не просто. Его спорные аргументы, по-видимому, вызваны объяснимым желанием максимально развить свою гипотезу и сократить дистанцию, неизбежно сохраняющуюся по причине скудости данных, между анонимным переводчиком и славянским первоучителем Мефодием.

Хочется упомянуть еще и ценное приложение книги Максимовича – подробное историко-лингвистическое описание Устюжской кормчей (XIII–XIV вв.), одной из древнейших рукописей, где сохранился список “Закона судного”, и одной из двух рукописей, где до нас дошел “Номоканон Мефодия”. Это описание может стать основой для сравнения со второй рукописью “Номоканона”, Иосафовской, и для изучения юридического сборника, в состав которого вошел “Номоканон”. Такое исследование помогло бы проверить выдвинутую еще В.Н. Бенешевичем² и позже поддержанную Я.Н. Шаповым³ гипотезу о том, что сокращение “Номоканона” есть дело рук позднего редактора, а сам Мефодий переводил свой греческий оригинал, “Синагогу” Иоанна Схоластика, целиком.

В заключение я отмечу еще одну приятную черту монографии. Книга хорошо структурирована, написана, если так позволительно сказать, “в хорошем ритме” и, несмотря на, казалось бы, предельно сухую лингвистическую и историко-юридическую проблематику, не “занаученным”, но ясным и легко читаемым языком.

Богатая новыми сведениями книга Максимовича – лучшая на сегодняшний день работа о “Законе судном”. Нетрудно предсказать, что она станет и одним из самых цитируемых исследований по истории переводной и юридической литературы православных славян. Для многих заключений Максимовича характерна свежесть взгляда, весьма редкая, когда речь идет о предмете, столь “исписанном”, как кирилло-мефодиевские тексты. Опыт комплексного исследования, предпринятого автором, должен служить образцом для изучения переводных юридических памятников. Мимо выводов и методов автора пройти нельзя, и они, без сомнения, вызовут интерес у специалистов.

В. Александров

Бу б а л о Ъ. Српски номици. Београд: Византолошки институт САНУ, 2004. 306 с., 12 фотогр.

В последнее время в европейской науке все большее внимание уделяется истории делопроизводства и правовых документов. Можно сказать, что византийская дипломатика после

² Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права Греко-Восточной церкви. СПб., 1914. С. 211–212; *Он же.* Миражи в истории Древней Руси и южных славян // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 249–251.

³ Шапов Я.Н. “Номоканон” Мефодия в Великой Моравии и на Руси // Великая Моравия... С. 243–248.